

Марк Штурм

ЗАПРЕТНЫЙ ПРЕДЕЛ

Одиннадцать лет ожидания подходят к
концу...

18+

Марк Шторм

ЗАПРЕТНЫЙ ПРЕДЕЛ

<https://litres.ru/73859604>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ей было четырнадцать, когда он вошел в их дом. Для её матери он стал идеальным спутником, а для Каролины — тенью, которая следовала за ней по пятам долгие одиннадцать лет.

Теперь Каролине двадцать пять. Она — успешный терапевт и прекрасно понимает всё, что делает Марк. Она видит его тактику, его давление и его цели, но профессиональный опыт бессилён перед его одержимостью. Одиннадцать лет он терпел скверный характер её матери и её вечные истерики только ради одного — дождаться момента, когда Каролина станет взрослой.

Марк не просто отчим. Он — хищник, который превратил их жизнь в клетку. И самое страшное для Каролины — не его мания, а то, что за собственным страхом она чувствует запретное влечение к человеку, который ждал её слишком долго.

В книге вас ждут:

- Властный и одержимый герой;
- Сложные отношения и мать-тиран;
- Психологическое напряжение;
- Откровенные сцены 18+.

Содержание

Пролог	4
ГЛАВА 1. Возвращение в клетку	6
ГЛАВА 2. Яд на десерт	11
ГЛАВА 3. Открытые двери	17
ГЛАВА 4. Точка кипения	22
ГЛАВА 5. В замкнутом пространстве	28
ГЛАВА 6. Примерочная 4	33
ГЛАВА 7. Под шелком	39
Г	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Марк Шторм

ЗАПРЕТНЫЙ ПРЕДЕЛ

Пролог

Пять месяцев спустя...

Дождь за окном превращал огни Москвы в размытые акварельные пятна. Каролина стояла в офисе, прижавшись спиной к холодному стеклу. В руках она сжимала тяжелую статуэтку, а её дыхание сбивалось от страха и странного, постыдного предвкушения.

Марк стоял напротив, медленно расстегивая запонки. На его лице не было злости — только пугающее спокойствие человека, который завершил свою долгую охоту.

— Ты думала, статус терапевта защитит тебя от меня? — его голос был вкрадчивым, почти нежным. — Ты годами копалась в чужих травмах, Каролина. Пыталась разложить мою одержимость на симптомы и диагнозы. Но ты забыла главное: я вытерпел одиннадцать лет ада с твоей матерью не для того, чтобы ты сейчас просто выписала мне рецепт на отстраненность.

— Она... она ведь любит тебя, Марк. А ты...

— Я одиннадцать лет выслушивал её истерики и придирки, — он сделал шаг вперед, и Каролина вжалась в стекло.

— Я был её «мальчиком на побегушках», мишенью для её яда. И всё это время я смотрел на тебя. Я ждал, когда ты расцветешь, пока твоя мать методично выжигала во мне всё человеческое.

Он перехватил её запястье, и статуэтка с глухим звуком упала на ковер.

— Время вышло, Каролина. Терапия окончена. Сегодня ты признаешь, что всё это время ты была единственной причиной, по которой я не сжег этот дом дотла вместе со всеми нами.

ГЛАВА 1. Возвращение в клетку

Каролина заглушила мотор, но руки всё еще мелко дрожали на руле, впиваясь в кожаную оплетку. Она сидела в тишине салона, прислушиваясь к тому, как медленно остывает двигатель её автомобиля, издавая редкие металлические щелчки. За лобовым стеклом старый подмосковный особняк, скрытый в тени исполинских вековых сосен, казался ей не родным местом, а частью огромного, затаившегося чудовища. Она не была здесь почти год, каждый раз находя сотни оправданий: тяжелые клинические случаи, бесконечные стопки отчетов, ночные дежурства. Но правда была куда проще — Каролина до тошноты, до физической дрожи боялась возвращаться в эту удушающую атмосферу.

Она была успешным терапевтом. В своем светлом кабинете в центре Москвы она легко препарировала чужие травмы, распознавала манипуляторов и помогала людям выходить из самых деструктивных отношений. Но стоило ей увидеть шпильки этого дома, как вся её профессиональная уверенность рассыпалась в прах. Перед собственной матерью, Еленой, Каролина мгновенно превращалась в ту самую беззащитную, забитую девочку, которой она была в четырнадцать. Диплом на стене и признание коллег не значили ничего против яда, который годами копился в этих стенах.

— Каролинка! Ну наконец-то! Я уж думала, ты решишь

дождаться моих похорон, чтобы почтить нас своим присутствием!

Дверь дома распахнулась с резким, сухим стуком, который эхом отозвался в сосновом бору. На крыльцо вышла Елена. В свои пятьдесят пять она выглядела безупречно: тонкая талия, дорогая укладка «волосок к волоску», лицо, не знающее морщин благодаря лучшим клиникам Европы. Но застывшая в уголках губ гримаса вечного, едкого недовольства выдавала её истинную натуру лучше любых слов. Елена была старше своего мужа на тринадцать лет, и каждый этот год она использовала как тяжелое оружие, ежедневно напоминая Марку, кто в этом доме настоящий хозяин и на чьи деньги куплено его благополучное существование.

— Мать родную совсем позабыла! — Елена подошла к машине, оглядывая дочь с ног до головы критическим, оценивающим взглядом. — И посмотри на себя — бледная, как смерть. Ты там в своей Москве вообще ешь? Или только чужие бредни за деньги выслушиваешь? Идем в дом, нечего пыль собирать. Марк там опять что-то возится на кухне, никак не может мясо нормально нарезать. Всё приходится контролировать самой, ни на кого в этом мире нельзя положиться!

Каролина вышла из машины и попала в стальные объятия матери. Они всегда казались ей не актом любви, а проверкой на прочность — Елена словно прощупывала её, пытаясь понять, появилось ли в жизни дочери что-то, что еще не под-

чинено материнской воле. В прихожей её встретил привычный коктейль из запахов: дорогой парфюм, мастика для паркета и то самое напряжение, которое здесь можно было буквально потрогать руками. Воздух в особняке всегда казался Каролине разреженным, лишенным кислорода.

— Марк! — выкрикнула Елена, небрежно швыряя брендовую сумку на мраморную тумбу, не заботясь о том, что она может упасть. — Ты слышишь? Дочь приехала! Бросай свои дела, иди поздоровайся нормально, раз уж помочь мне на кухне ты не в состоянии!

Из глубины коридора, ведущего на кухню, вышел мужчина. Марку было сорок два, но он выглядел как оживший атлант — мощный, спокойный, с ледяным взглядом обсидиановых глаз, в которых, казалось, застыла вечность. Он остановился в дверном проеме, медленно вытирая руки полотенцем, и Каролина почувствовала, как по её позвоночнику пробежал электрический разряд такой силы, что на мгновение перехватило дыхание. Её профессиональный мозг мгновенно зафиксировал реакцию: зрачки расширены, пульс участился, ладони увлажнились. Тело помнило то, что разум пытался похоронить все эти годы.

— Здравствуй, Каролина, — произнес он своим низким, вибрирующим голосом, который, казалось, резонировал где-то глубоко в её грудной клетке.

— Здравствуй, Марк.

— Что ты встал как истукан? — Елена резко повернулась

к нему, её голос мгновенно сорвался на привычный визг. — Я же просила купить другое вино! Это — дешёвая кислятина, которую стыдно поставить на стол! Ты специально позоришь меня перед дочерью? Хочешь показать, что тебе плевать на мои вкусы и на статус нашего дома?

Марк даже не вздрогнул от этого словесного удара. Он привык к этим атакам за одиннадцать лет их странного, извращенного союза. Его взгляд оставался прикованным к Каролине, полностью игнорируя бушующую рядом жену, словно она была лишь фоновым шумом, досадным помехой в их безмолвном диалоге.

— Прости, Елена, — спокойно ответил он, не отрывая глаз от девушки. — Я просто засмотрелся. Наша девочка... она так сильно изменилась за то время, что мы не виделись. Ты не находишь? Она стала совсем взрослой. В её глазах появилось то самое осознание, которого я так долго ждал.

Каролина поспешно отвела взгляд, чувствуя, как её щеки начинают пылать под этим тяжелым, собственническим вниманием. В этом доме охота на неё официально была открыта, и Марк только что сделал свой первый, идеально выверенный выстрел. Она понимала, что эта поездка не закончится просто семейным ужином. Это было окончательное возвращение в клетку, из которой Марк уже давно и методично вынул все замки, оставив ей лишь иллюзию свободы.

Елена, не заметившая искр, пролетевших между мужем и дочерью, продолжала поучать:

— Взрослой! Она выглядит как измотанная студентка. Идем, Каролина, я покажу тебе, какую комнату мы подготовили. И Марк, распорядись насчет ужина. И постарайся хотя бы сегодня ничего не испортить.

Каролина шла за матерью вверх по лестнице, кожей чувствуя, как взгляд Марка скользит по её лопаткам, прожигая ткань платья. Она вернулась домой. Но этот дом больше не принадлежал её матери. Он принадлежал хищнику, который ждал одиннадцать лет, чтобы запереть дверь за её спиной.

ГЛАВА 2. Яд на десерт

Ужин в подмосковном особняке всегда напоминал Каролине минное поле, где каждый неверный вдох мог спровоцировать взрыв. Столовая, обставленная с вызывающей, тяжелой роскошью — дубовые панели, массивные портьеры, фамильное серебро, которое Елена купила на аукционе, чтобы создать иллюзию преемственности поколений — сегодня казалась Каролине особенно тесной. Она сидела напротив Марка, стараясь не поднимать глаз от тарелки, но кожей чувствовала каждое его движение.

Елена восседала во главе стола, как королева, которая только что выиграла битву, но всё еще жаждет крови. Она нервно постукивала острым, безупречно накрашенным ногтем по краю хрустального бокала, и этот звук в тишине комнаты напоминал тиканье часового механизма перед детонацией. Каждое её слово, брошенное в пространство, было пропитано чистой, концентрированной желчью.

— Опять этот сорт сыра, Марк? Сколько можно повторять одно и то же? — Елена брезгливо отодвинула тарелку, словно на ней лежало нечто зараженное. — Я же говорила тебе сотню раз: у меня от него тяжесть. Ты что, нарочно покупаешь то, что я ненавижу? Одиннадцать лет вместе, а ты всё еще ведешь себя как посторонний человек в этом доме, которому лень запомнить элементарные вещи! Или ты просто

решил поиздеваться надо мной в день приезда дочери, чтобы показать, как мало я для тебя значу?

Каролина непроизвольно сжала вилку. Ей, как профессиональному терапевту, было физически больно наблюдать за этой сценой. Это была классическая, эталонная тирания, помноженная на глубокую возрастную неуверенность Елены. Она знала, что стареет, знала, что Марк моложе и сильнее, и поэтому использовала свою власть — финансовую и моральную — чтобы методично превращать его в пыль.

Марк молчал. Он медленно, с пугающей, почти хирургической аккуратностью резал стейк. Каролина видела, как на его мощном предплечье вздулась вена, а пальцы, сжимающие нож, побелели от напряжения. Он был похож на затаившуюся стихию, на спящий вулкан, который Елена бездумно тыкала острой палкой, не понимая, что лава уже подступила к самому краю.

— Прости, Елена. В магазине не было другого сорта, а ты просила собрать плато к приезду Каролины, — спокойно ответил он, даже не удостоив жену взглядом. Его голос был ровным, лишённым эмоций, и это спокойствие пугало Каролину сильнее, чем если бы он начал кричать в ответ.

— «Прости»! — вскинулась Елена, её голос сорвался на тот самый визг, который Каролина ненавидела с детства. — Твоё дешёвое «прости» не лечит мой желудок и не возвращает мне настроение! Каролинка, ну ты только посмотри на него! Я дала ему всё: вытацила из безденежья, ввела в при-

личное общество, дала статус, этот дом, безлимитные карты. А он даже продукты выбрать не в состоянии без моей указки. Иногда я всерьез думаю, что ты, Марк, — самая большая и дорогая ошибка в моей жизни. Я купила себе элитный аксессуар, а он оказался бракованным ширпотребом.

В столовой повисла мертвая, звенящая тишина. Слышно было только, как в холле мерно бьют старинные напольные часы. Каролине казалось, что воздух вокруг них загустел, превратившись в ядовитый кисель. Елена резко встала, бросив салфетку прямо в тарелку с недоеденным мясом, окончательно уничтожая остатки приличий.

— У меня разболелась голова от твоего упрямства и этой невыносимой атмосферы. Допивайте свое пойло сами. Каролина, зайди ко мне в спальню через полчаса, нужно обсудить твой гардероб для завтрашнего приема. Ты выглядишь как измотанная медсестра из провинциальной больницы, а не как востребованный врач. Пора привести тебя в порядок, пока ты окончательно не превратилась в тень.

Дверь за матерью захлопнулась с тяжелым, глухим грохотом, от которого дрогнули подвески на люстре. Каролина медленно подняла глаза на Марка, ожидая увидеть на его лице унижение или гнев. Но то, что она увидела, заставило её сердце пропустить удар. На его губах играла едва заметная, пугающая усмешка, а взгляд, направленный в упор на неё, был торжествующим.

— Почему ты это терпишь? — прошептала она, когда ша-

ги матери затихли на втором этаже. — Марк, я серьезно. Как специалист, я вижу здесь запущенную, терминальную стадию абьюза. Ты ведь сильный, состоявшийся мужчина. У тебя есть всё, чтобы уйти. Почему ты позволяешь ей так с собой обращаться? Она просто стирает твою личность в порошок.

Марк медленно поднялся со своего места. Его движения были тягучими, как у тигра, который знает, что добыче некуда бежать. Он обошел длинный дубовый стол и остановился прямо за спиной Каролины. Она почувствовала жар, исходящий от его тела, и её кожа мгновенно покрылась мурашками, несмотря на тепло в комнате. Тяжелый аромат его парфюма — кожа, горький табак и что-то металлическое — заполнил её легкие.

— Ты действительно хочешь знать ответ, Каролина? — он наклонился к самому её уху, почти касаясь губами её мочки. От его вибрирующего шепота у неё внутри всё натянулось, как струна. — Одиннадцать лет назад я вошел в этот дом и увидел нечто настолько ценное, настолько уникальное, что ради этого я готов был терпеть любые ядовитые истерики твоей матери. Любые плевки в лицо и любую грязь, которую она на меня выливали.

Его ладонь легла на её плечо. Крупная, тяжелая ладонь, пальцы которой медленно, почти невесомо начали поглаживать её ключицу сквозь тонкую ткань блузки. Каролина замерла, боясь даже вздохнуть.

— Она думает, что я её раб, — продолжал он вкрадчиво, и в его голосе слышалось опасное наслаждение. — Она тешит свое эго, думая, что купила меня. Но на самом деле я — терпеливый охранник в сокровищнице, который просто ждал, когда сокровище созреет и замок наконец откроется. Тебе двадцать пять, Каролина. Ты больше не маленькая девочка, и время прятаться за маминой спиной и своими сухими медицинскими терминами вышло.

Марк резко развернул её стул к себе, заставляя смотреть ему прямо в глаза. Каролина оказалась зажата между его мощными коленями и спинкой кресла.

— Она злая и пустая женщина, — проговорил он, глядя ей прямо в губы. — Она выпивает из меня жизнь каждый день, каплю за каплей. А ты... ты — единственный повод, почему я еще не сжег этот дом дотла вместе со всеми нами одиннадцать лет назад. Ты — причина моего терпения. И ты же — причина моего безумия.

Сверху донесся резкий, капризный крик Елены:

— Марк! Где мои таблетки от давления?! Живо сюда! Ты специально тянешь время, чтобы я тут умерла?!

Марк усмехнулся, и в этой усмешке было столько скрытой угрозы и долгожданного, почти животного предвкушения, что Каролине стало по-настоящему страшно.

— Иди к ней. Играй роль послушной дочери, раз так привыкла. Но помни: когда в доме гаснет свет и она наконец засыпает... этот замок и все двери в нем принадлежат мне. И

ты теперь — тоже.

ГЛАВА 3. Открытые двери

Ночь в подмосковном особняке никогда не была временем истинного, безмятежного покоя. Каролина лежала в своей старой постели, зарывшись в одеяло, но не чувствуя тепла. Она не мигала, глядя в высокий потолок, на котором в свете редких фар проезжающих по шоссе машин плясали злоевающие, ломаные тени от сосновых ветвей. Сквозь тонкие стены старого дома, которые в этот час казались ей почти прозрачными, она отчетливо слышала приглушенные, раздраженные звуки из хозяйского крыла. Сначала — резкий, дребезжащий голос матери, требующей внимания и очередной порции успокоительных капель, затем — низкий, ровный, как далекий рокот приближающегося шторма, голос Марка. Наконец всё стихло. Елена уснула, одурманенная двойной дозой лекарств, которые сама же в истерике заставила Марка ей принести.

Каролина медленно поднялась, чувствуя, как во рту пересохло от невыносимого, липкого нервного напряжения. Ей нужно было просто спуститься на кухню, выпить стакан ледяной воды и убедиться, что мир всё еще стоит на месте, а стены этой комнаты не начали медленно сжиматься вокруг неё, превращаясь в капкан. Она набросила халат, стараясь не шуметь, и подошла к двери. Пальцы привычно легли на холодную металлическую ручку. Каролина нажала на неё, ожи-

дая знакомого сопротивления замка — она точно, до мельчайших деталей помнила, как повернула ключ в скважине дважды, когда запиралась час назад, пытаясь отгородиться от тяжелого взгляда отчима.

Но дверь распахнулась бесшумно и пугающе легко. Она не была заперта.

Каролина нахмурилась, решив, что в спешке и панике просто не докрутила ключ. Она снова плотно закрыла дверь и попыталась провернуть механизм, но ключ вращался вхолостую, издавая лишь слабый, почти издевательский металлический скрежет. Она присмотрелась в слабом, мертвенном свете ночника, стоявшего в коридоре, и почувствовала, как по спине пробежал ледяной холод, от которого физически заломило затылок.

Замка не было. Аккуратное отверстие в дверном полотне зияло абсолютной, черной пустотой — стальной механизм был демонтирован так чисто и профессионально, что на полу не осталось ни единой щепки или мелкой металлической стружки. Кто-то работал здесь, прямо у неё под боком, пока она лежала в нескольких метрах, парализованная собственными мыслями. Как профессиональный терапевт, она знала: это акт тотального доминирования. Лишение человека возможности запереться — это первый шаг к разрушению его личности, к превращению его в послушный объект.

— В этом доме не должно быть преград между нами, Каролина. Это мешает протоколам безопасности.

Она резко обернулась, едва не вскрикнув от неожиданности. Марк стоял в самом конце темного коридора, прислонившись плечом к стене. В густом полумраке его массивный силуэт казался неестественно огромным, заполняющим собой всё пространство, вытесняя из него кислород. На нем были только свободные домашние брюки, и лунный свет, холодными полосами падающий из высокого окна, подчеркивал каждую жесткую, напряженную линию его тела.

— Что ты сделал? — прошептала она, судорожно прижимая полы халата к груди. — Зачем ты снял замок, Марк? Это... это безумие. Верни его на место сейчас же, или я найду способ заявить об этом. Это незаконно, ты не имеешь права!

— Твоя мать часто жалуется на ночные приступы удушья, — Марк медленно, почти бесшумно пошел по коридору в её сторону. Его походка напоминала уверенное движение крупного хищника, который точно знает, что жертве некуда бежать. — Мы с ней вместе решили, что в её состоянии мы должны иметь доступ в любую комнату в любую секунду. Мало ли, вдруг тебе тоже станет плохо или тебе снова приснится тот старый кошмар, о котором ты плакала в детстве. Как дипломированный терапевт, ты должна понимать всю важность контроля в такой нестабильной среде. Твоя приватность — слишком высокая цена за спокойствие Елены.

Он остановился всего в одном шаге от неё. Каролина физически чувствовала исходящий от него жар. Она попытается

лась проанализировать его поведение: «Он ищет власти, он компенсирует годы унижений со стороны матери», — билось в её голове, но её тело отказывалось слушать логику. Мышцы свело судорогой, а дыхание стало поверхностным.

— Ты сумасшедший, Марк. Это прямое вторжение в мою жизнь. Ты не имеешь права так поступать, я не твоя собственность и не пациентка в твоём распоряжении. Я завтра же соберу вещи и уеду в город. Ты не сможешь меня здесь удерживать силой.

Марк медленно протянул руку и кончиками пальцев провёл по косяку двери в том самом месте, где раньше был замок. Его прикосновение было почти нежным, но в нём чувствовалась стальная, непоколебимая угроза, от которой хотелось закричать, но голос застрял в горле.

— Ты никуда не уедешь, Каролина. Я снял этот замок не для того, чтобы заходить к тебе, когда мне заблагорассудится. А для того, чтобы ты каждую секунду, каждым своим нервом знала: я *могу* это сделать. В любое мгновение твоей ночи. В каждую минуту твоего сна. Твое убежище уничтожено, его больше нет. Теперь ты больше не принадлежишь себе в этих стенах, доктор. Забудь о своих правилах, о своих учебниках и границах. Здесь действую только мои законы.

Он наклонился к ней так близко, что его горячее дыхание опалило её висок, заставляя сердце зайтись в сумасшедшем, рваном ритме. Она чувствовала запах его кожи — смесь табака и ночного холода.

— Иди пей свою воду, Каролина. И пока пьешь, помни: в этом доме больше нет дверей, которые я не смог бы открыть. И больше нет секретов, которые я бы не узнал. Твоё личное пространство теперь заканчивается там, где начинаюсь я. И я не остановлюсь, пока не выжгу в тебе всё твоё фальшивое, напускное сопротивление. Ты будешь ждать моего шага в этом коридоре каждую ночь.

Марк развернулся и так же бесшумно ушел в темноту коридора. Каролина осталась стоять в проеме открытой двери, которая теперь вела в никуда, чувствуя, как холодный ночной воздух касается её кожи. Она поняла, что её «профессиональный микроскоп» бессилён против этого человека. Он не был пациентом, которого можно вылечить. Он был хозяином этой клетки, и он только что продемонстрировал ей, что прутья этой клетки — повсюду.

ГЛАВА 4. Точка кипения

Утро в подмосковном особняке началось не с мягкого аромата свежесваренного кофе или беззаботного пения птиц в сосновом саду, а с резкого, дребезжащего грохота разбитой посуды, который, казалось, расколол саму тишину дома на тысячи острых осколков. Каролина подскочила в постели, чувствуя, как сердце мгновенно пускается в неровный, панический пляс, ударяясь о ребра. Этот звук был ей слишком хорошо знаком — так в этом доме начинались худшие дни. Дни, когда накопленная, ядовитая ярость Елены требовала немедленного, жертвенного выхода, и совершенно неважно было, кто именно сегодня станет её мишенью.

Каролина на секунду зажмурилась, пытаясь вернуть себе то хрупкое самообладание, которое она так тщательно выстраивала в Москве, в своем светлом кабинете. Она попыталась дышать «по квадрату», как учила своих пациентов, но стены родного гнезда методично, кирпичик за кирпичиком, разрушали её профессиональную защиту. Здесь, под этой крышей, она снова чувствовала себя не врачом с дипломом и признанием коллег, а той испуганной четырнадцатилетней девочкой, которая пряталась в глубине шкафа среди тяжелых пальто, лишь бы не слышать надрывных криков матери.

Она спустилась вниз, стараясь ступать по лестнице бесшумно, почти не дыша. Но, замерев в дверном проеме кухни,

Каролина увидела сцену, которая могла бы стать идеальной, хрестоматийной иллюстрацией к учебнику по самым запущенным семейным патологиям. Елена стояла у окна, залитого холодным утренним светом, её ухоженное лицо пошло некрасивыми пунцовыми пятнами, а тонкие пальцы мелко дрожали от бешенства. На полу лежали остатки дорогого лимонского фарфора — семейная реликвия, которую Елена так ценила, а теперь сама же превратила в мусор.

Марк, напротив, сохранял свою неизменную, почти пугающую маску ледяного спокойствия. Он стоял на коленях прямо на холодном кафеле, медленно и методично собирая крупные осколки. Он не обращал ни малейшего внимания на поток язвительных, грязных оскорблений, который извергала его жена. Марк казался сделанным из того же камня, что и кухонные столешницы — холодным, твердым и абсолютно непроницаемым.

— Ты ничтожество, Марк! Пустое место, которое я вытащила из грязи и отмыла! — Елена сорвалась на пронзительный визг, едва заметила дочь в дверях. — Посмотри, что твой отчим устроил! Он забыл проконтролировать клининг, а у меня завтра прием! Каролина, ну скажи ты ему, что он бесполезный кусок мяса! Раз он меня не слышит и в упор не замечает, может, хоть твои слова его прошибут? Посмотри на него — он даже чашку удержать не может, руки из одного места растут! Или ты это специально, Марк? Хочешь вывести меня из себя перед гостями?

Каролина перевела взгляд на Марка и замерла. Он медленно, с какой-то хищной, звериной грацией поднялся с пола, сжимая в правой руке крупный осколок с острым, зазубренным краем. На его широкой ладони, прямо между пальцами, проступила густая, темная капля крови. Она медленно поползла вниз к запястью, оставляя яркий след на его безупречно чистой коже. Марк не смотрел на жену. Его ледяной, обжигающий взгляд был прикован к обнаженным коленям Каролины, которые вызывающе белели из-под края её короткого шелкового халата. В этот момент она почувствовала себя абсолютно раздетой, лишенной всякой брони. Её кожа отозвалась на этот взгляд миллионом покалывающих иголок, а внизу живота возникло странное, пугающее тепло, которое она не могла подавить.

— Прости, Елена, я всё исправлю, — его голос был пугающе тихим. Он словно вибрировал где-то глубоко в грудной клетке Каролины, заставляя её затаить дыхание. В этом тоне не было ни тени покорности — в нем было скрытое обещание бури.

— «Исправлю!» Ты только и можешь, что бесконечно исправлять свои косяки и пресмыкаться! Пошел вон с глаз моих! Видеть тебя не могу! — Елена швырнула в него мокрое полотенце, которое с глухим шлепком попало ему в плечо, и вылетела из кухни, громко и зло топая по дубовой лестнице. Её крики продолжали доноситься со второго этажа, пока с грохотом не захлопнулась дверь их спальни.

В кухне воцарилась тяжелая, липкая тишина. Каролина сделала неуверенный шаг к столу, чувствуя, как в горле встает сухой ком. Ей, как профессиональному терапевту, до зуда в ладонях хотелось подойти, взять его за раненую руку и оказать помощь. Это был её безусловный инстинкт — спасти тех, кому больно. Но, глядя в глаза Марка, она вдруг отчетливо поняла: ему не больно. Он наслаждался этой ситуацией.

— Твоя мать права, — Марк медленно пошел ей навстречу, совершенно не обращая внимания на кровь, которая начала капать с его ладони на светлый кафель пола, оставляя зловещую дорожку. — Я действительно бесполезен. Одиннадцать лет я тратил все свои силы только на то, чтобы этот карточный домик не развалился. Я сознательно позволял ей уничтожать свою гордость и топтать своё мужское достоинство. И знаешь, ради какой единственной цели я терпел каждое её слово и каждый плевок в свою сторону?

Он внезапно сократил расстояние, буквально вминая Каролину спиной в холодный, острый край мраморного кухонного острова. Его раненая рука с глухим стуком легла на столешницу совсем рядом с её бедром, мгновенно пачкая светлый камень кровью. Каролина замерла, боясь шелохнуться, чувствуя, как пространство вокруг неё сужается до размеров его массивной фигуры. Его присутствие подавляло, вытесняя из легких воздух.

— Ради того, чтобы ты смотрела на меня сейчас с этой невыносимой смесью жалости и желания, — он наклонил-

ся так близко, что Каролина почувствовала запах его кожи — смесь горького табака, ночного холода и металлического аромата свежей крови. — Ты ведь хочешь мне помочь, доктор? Хочешь залечить мои раны? Ты ведь для этого училась столько лет в своей Москве? Чтобы спасти таких монстров, как я? Чтобы разглядывать наши шрамы под своим профессиональным микроскопом и чувствовать свое превосходство?

Марк резко перехватил её запястье и с пугающей силой прижал её ладонь к своей широкой груди, прямо под тонкую ткань футболки. Каролина почувствовала, как бешено, как запертый в тесной клетке зверь, колотится его сердце. Оно билось в рваном, сумасшедшем ритме, входя в полный резонанс с её собственным пульсом. Его мышцы под её ладонью были твердыми как камень, напряженными до предела.

— Помоги мне, Каролина. Прямо сейчас. Потому что если ты этого не сделаешь, если ты снова попытаешься спрятаться за своими сухими медицинскими терминами, я за себя больше не ручаюсь. У меня больше нет сил играть в счастливую семью. Осталась только жажда. Первобытная, накопленная годами жажда к тебе. И сегодня ты перестанешь от меня бегать, как бы сильно ты ни пыталась убедить себя в обратном. Твоё тело уже сделало выбор за тебя.

Он отпустил её руку, но продолжал нависать сверху, блокируя любые пути к отступлению. Каролина смотрела на кровавый след на его груди, оставленный её собственной ла-

донью, и понимала: точка кипения пройдена. В этом доме больше не было правил, за которыми можно было бы спрятаться. Был только он, его кровь на её руках и осознание того, что следующая вспышка ярости Марка сожжет её дотла.

ГЛАВА 5. В замкнутом пространстве

Елена не успокоилась после утреннего инцидента на кухне. Для неё ярость никогда не была просто кратковременной вспышкой; это был способ подзарядиться, прощупать чужую броню на наличие новых трещин. И теперь ей нужно было утвердить свою пошатнувшуюся власть самым изощренным способом, превратив унижение Марка в семейную обязанность. Она сидела в гостиной, в окружении тяжелого антиквариата, и нервно перелистывала глянцевого журнал. Каролина видела, что мать не прочла ни строчки — её взгляд был пустым и колючим.

— Марк, ты везешь Каролину в город, — бросила Елена, не поднимая глаз. — Ей нужно нормальное белье и платья, а не эти бесформенные мешки, в которых она ходит. Не позорь меня перед гостями, Каролина, в твоём возрасте пора иметь вкус. И не смей опаздывать, Марк, вечером у нас важный прием. Сделай так, чтобы я за вас не краснела.

Марк лишь коротко кивнул. Каролина видела, как на его жестких скулах на мгновение заиграли желваки. Его покорность в присутствии Елены всегда казалась Каролине какой-то неестественной, пугающей, словно он был сжатой до предела стальной пружиной.

Через полчаса они уже сидели в его массивном внедорожнике. В салоне стоял густой, почти осязаемый аромат дорогой кожи и его парфюма — того самого тяжелого, будоражащего запаха с нотками горького табака, от которого у Каролины начинала кружиться голова. Как только они выехали за кованые ворота поместья, Марк, не глядя на неё, нажал кнопку на панели. Резкий, металлический щелчок центрального замка прозвучал в тишине салона как выстрел в упор. Каролина вздрогнула, кожей ощущая, как пространство вокруг неё мгновенно сузилось до размеров этой кожаной капсулы. Крышка клетки захлопнулась.

— Почему мы поехали по старой дороге? — спросила она через десять минут, заметив, что он сворачивает с основной трассы на узкое шоссе, петляющее между густыми, почти черными соснами. — Это дольше, Марк. Через поселок мы были бы в торговом центре уже через полчаса.

— Нам нужно поговорить без твоей матери и лишних ушей, — Марк не смотрел на неё. Его руки уверенно лежали на руле, но Каролина видела, с какой силой побелели его костяшки пальцев. — Одиннадцать лет я ждал момента, когда ты станешь взрослой, Каролина. Одиннадцать лет я играл роль прилежного мужа, терпеливого отчима и удобного дополнения к интерьеру этого проклятого дома. И теперь, когда ты здесь, в моей машине, заблокированная вместе со мной... я больше не собираюсь играть. Лимит моего терпения был исчерпан сегодня утром.

Он внезапно ударил по тормозам прямо на обочине, там, где вековые деревья смыкались над дорогой, создавая плотный полумрак. Марк заглушил двигатель. Тишина, наступившая после рокота мощного мотора, стала оглушительной. Слышно было только, как потихоньку остывает металл под капотом и как бешено колотится сердце Каролины. Лес за окном казался бесконечной стеной, отделяющей их от цивилизации. Каролина почувствовала себя запертой в вакууме, где время и законы общества больше не имели силы.

— Ты боишься меня, Каролина? — он медленно повернулся к ней, и его глаза в полумраке салона казались абсолютно черными.

— Я терапевт, Марк, — она попыталась вернуть себе самообладание, используя профессиональный тон как щит, хотя её голос заметно дрожал. — Я прекрасно понимаю твоё текущее состояние. У тебя классическая фиксация на объекте из прошлого, помноженная на длительный стресс. Ты проецируешь свои подавленные желания на меня только потому, что я напоминаю тебе о времени до этого брака. Это форма психологического замещения, но она излечима...

— Фиксация? Замещение? Специалист? — Марк горько усмехнулся, и этот звук заставил её до боли вжаться в сиденье. — Ты действительно думаешь, что можешь вылечить то, что я вынашивал одиннадцать лет, своими жалкими терминами?

Он внезапно перегнулся через центральную консоль,

мгновенно сокращая расстояние до опасного минимума. Его рука с силой перехватила её за затылок, вплетая пальцы в волосы и притягивая к себе так, что их лица оказались в нескольких сантиметрах друг от друга. Каролина видела каждую пору на его коже, чувствовала жар, исходящий от него волнами. Она видела в его глазах свое отражение — испуганное и... жадное.

— Это не лечится, девочка. Никакими учебниками и таблетками. Одиннадцать лет я лежал в постель с твоей матерью, закрывал глаза и представлял, как ты растешь за соседней стеной. Как меняется твоё тело, как становится глубже твой взгляд. Это был единственный смысл моей жизни, ради которого я терпел этот ад. Каждую ночь я предавал её в своих мыслях, потому что в них была только ты.

Его большой палец с силой прошелся по её нижней губе, заставляя её невольно приоткрыть рот. Каролина понимала, что должна сопротивляться, но её тело парализовало странное, тягучее оцепенение. Её профессиональный мозг кричал «беги», но кровь пульсировала в такт его дыханию.

— Елена хочет, чтобы я купил тебе белье? — прошептал он, и его взгляд стал пугающе темным. — Твоя мать даже не понимает, какую ошибку совершает, отдавая тебя мне в руки. Я сам выберу то, что буду с тебя снимать. И поверь мне, Каролина, ты наденешь это сегодня же. И будешь сидеть в этом прямо перед ней за ужином. Это будет наша первая настоящая общая тайна. Ты будешь знать, что под платьем на

тебе мой выбор. Моё клеймо. Мои руки на твоей коже, которые ты будешь чувствовать каждую секунду этого вечера.

Марк отпустил её так же внезапно, как и схватил, и снова завел двигатель. Машина рванула с места, вжимая Каролину в кресло. Она осталась сидеть, прижавшись к запертой двери, чувствуя, как внутри всё плавится от смеси ужаса и запретного влечения. Психотерапия здесь была бессильна. Они ехали в торговый центр, но Каролина знала: из этого леса она уже никогда не вернется прежней.

ГЛАВА 6. Примерочная 4

Торговый центр встретил их оглушительным многоголосием, запахом свежееобжаренного кофе и бесконечным блеском витрин, которые в этот солнечный день казались Каролине безжалостными и спящими. Для неё этот праздник потребления сегодня выглядел как декорации к сюрреалистичному кошмару. Мимо проходили сотни людей — они смеялись, выбирали обувь, спорили о мелочах, и никто из них не догадывался, что совсем рядом идет хищник, который только что, в запертом салоне машины, объявил открытую охоту на свою жертву. Марк вел её за локоть, и его хватка была подчеркнута вежливой, почтительной, но при этом абсолютно непоколебимой. Он вел её не за покупками, а на публичное заклятие, и Каролина чувствовала это каждым нервным окончанием.

Он полностью игнорировал отделы с повседневной одеждой, мимо которых Каролина пыталась пройти с робкой надеждой скрыться в толпе или хотя бы оттянуть неизбежное. Его цель была иной, куда более интимной и разрушительной. Он уверенным шагом вел её напрямик к бутику элитного нижнего белья, чей фасад сиял холодным, вызывающим светом. Каролина чувствовала себя так, словно её выставили на открытые торги: редкие прохожие оборачивались на них, видя высокого, властного мужчину и хрупкую, бледную де-

вушку, которая едва поспевала за его широким шагом. Как терапевт, она понимала: сейчас происходит акт публичного доминирования. Марк наслаждался тем, что методично ломает её волю в самом людном и ярком месте города. Ему было важно показать ей, что даже среди тысяч людей она принадлежит только ему.

Внутри магазина Марк начал действовать быстро и с пугающей, почти хирургической эффективностью. Он сам снял с вешалок комплекты: черный шелк, тончайшее французское кружево, провокационные пояса для чулок с холодными металлическими зажимами. Он перебирал эти интимные ткани так уверенно, словно годами изучал параметры её тела в своей голове, мысленно примеряя каждый лоскут шелка к её коже. Каролина стояла рядом, парализованная стыдом, глядя на то, как его крупные мужские пальцы касаются невесомого кружева, которое вскоре должно было коснуться её самой.

— Марк, это чересчур, — прошептала она, испуганно оглядываясь на консультантов, которые деликатно отводили глаза, принимая их за обычную пару с пикантными интересами. — Мама не одобрит такой выбор. Она ждет классику, что-то консервативное, подходящее для моего статуса врача. Она не поймет этого... разврата.

— Твоя мама никогда не увидит то, что будет надето под твоей одеждой, Каролина, — он холодно взглянул на неё, и в глубине его обсидиановых глаз она прочитала приказ, не

терпящий возражений. — Или ты хочешь, чтобы я сам зашел с тобой в кабинку и помог тебе с застегками? Выбирай: или ты идешь сейчас сама, или мы заходим вдвоем, и тогда мне будет плевать на приличия. Иди. Примеряй всё. Я подожду здесь.

Он буквально всучил ей в руки тяжелую, пахнущую новым текстилем стопку кружевного безумия и указал на кабинку в самом конце зала, скрытую в густой тени массивных бархатных портьер. Каролина зашла внутри, дрожащими руками задерживая тяжелую штору. Тесное пространство примерочной, зеркала со всех четырех сторон и безжалостный, мертвенно-белый свет делали её абсолютно уязвимой. Она начала расстегивать пуговицы своего пиджака, чувствуя, как пальцы отказываются подчиняться, цепляясь за ткань. Каждое её движение отражалось в четырех зеркалах, бесконечно множа её страх и незащищенность. Она видела себя — напуганную, с лихорадочным блеском в глазах — и не узнавала.

Она едва успела надеть тонкий пояс для чулок и дрожащими пальцами застегнуть сложные крючки на спине, когда шторка примерочной резко отодвинулась. Каролина не успела даже вскрикнуть — Марк вошел внутрь и задернул занавеску обратно, окончательно отсекая их от внешнего мира. Тесное пространство мгновенно наполнилось его массивным присутствием, запахом его кожи, дорогого табака и тяжелым, прерывистым дыханием. Зеркала теперь отражали их двоих: его монументальную фигуру в безупречном пиджаке и

её — почти обнаженную, дрожащую в кружеве, которое он выбрал. Это был контраст, который лишал её остатков воли.

— Выйди! — Каролина инстинктивно прикрыла грудь руками, до боли в лопатках вжимаясь в холодную, обжигающую поверхность зеркала. — Марк, здесь люди! Прямо за этой тряпкой! Это безумие, ты погубишь нас обоих! Я закричу, клянусь тебе!

— Все заняты собой, Каролина, им нет дела до того, что происходит за этой шторой, — его голос вибрировал в тесном пространстве, отражаясь от стекол и проникая ей под кожу. — А я слишком долго, одиннадцать чертовых лет, ждал этого момента, чтобы просто смотреть на эти тряпки на вешалке. Я хочу видеть свой выбор на тебе. Сейчас. Повернись к зеркалу и убери руки. Ты должна видеть, как ты на самом деле выглядишь.

Он подошел вплотную, так что его колени коснулись её обнаженных бедер. Марк положил горячие ладони ей на талию, и в этот момент в её сумке, брошенной на пуфик, пронзительно и требовательно зазвонил телефон. На экране, светящемся в полумраке кабинки, безжалостными буквами высветилось: «МАМА».

— Ответь, — приказал Марк. Его голос стал вкрадчивым, почти нежным, но в нем слышался металл. Одна его рука медленно, издевательски поползла выше, к застежке лифа. — Скажи ей, что мы еще выбираем. И обязательно добавь, что я очень стараюсь ей угодить. Это будет чистой правдой,

не так ли?

Каролина дрожащей рукой поднесла телефон к уху, чувствуя, как сердце готово пробить ребра от запредельного напряжения. Она видела в зеркале, как он смотрит на неё, наслаждаясь моментом.

— Да, мам... — её голос сорвался на хриплый шепот, когда она почувствовала, как Марк одним точным движением пальцев расстегнул крючок и его горячая, грубая ладонь накрыла её грудь, лишая всякой возможности мыслить рационально.

— Каролина, почему так долго? — донесся капризный, раздраженный голос Елены из динамика. — Вы там не уснули? Прошел уже час! Передай Марку, чтобы он не смел портить тебе настроение своими придирами! И выберите наконец что-то достойное нашего имени! Слышишь меня?

Марк усмехнулся прямо в шею Каролины, слыша каждое слово своей жены. Он прижал девушку спиной к зеркалу так сильно, что она почувствовала его возбуждение сквозь ткань его брюк. Это было унизительно и сладко одновременно, и Каролина ненавидела себя за это чувство.

— Он... он очень старается, мам, — выдохнула Каролина, задыхаясь от невыносимой смеси первобытного ужаса и нарастающего, постыдного экстаза. — Мы скоро будем. Мы уже заканчиваем выбор. Не волнуйся.

Она сбросила вызов, едва не выронив телефон. В голове билась только одна мысль: она больше не контролирует свою

жизнь. Ни как врач, ни как личность. Весь её мир сузился до этой кабинки и этого мужчины.

— Видишь, как всё просто? — Марк развернул её к себе, заставляя смотреть в свои темные глаза. — Она сама отдала тебя мне в руки. И сегодня вечером ты наденешь именно этот комплект под то платье, которое она выберет. Ты будешь сидеть рядом с ней, улыбаться её гостям и каждую секунду помнить, чьи руки касались тебя здесь. Это будет наша первая настоящая тайна, Каролина. Прямо у неё на глазах. Твоя первая осознанная ложь, доктор. Привыкай к этому вкусу.

Марк вышел из кабинки так же стремительно, как и вошел, оставив Каролину в звенящей тишине и холодном свете ламп. Она смотрела на своё отражение — на растрепанные волосы, на следы его пальцев на талии — и понимала, что этот торговый центр, эти люди и вся её прежняя жизнь остались там, за плотной бархатной шторой.

ГЛАВА 7. Под шелком

Вечер в подмосковном особняке всегда напоминал Каролине тщательно отрепетированную, но от того не менее фальшивую театральную постановку. Елена была в своей стихии: она обожала роль хлебосольной хозяйки, окруженной свитой из «нужных» людей. Сегодня в большой столовой, залитой холодным светом массивной хрустальной люстры, собрались её старые друзья — такие же заносчивые, подчеркнута успешные и пустые внутри, как и интерьеры этого дома. Они пили коллекционное вино, обсуждали котировки акций и сплетничали, изредка бросая на Каролину оценивающие взгляды, словно она была новым, не до конца понятным экспонатом в коллекции матери.

Елена буквально блистала, подпитываясь вниманием окружающих. Она восседала во главе стола в платье цвета индиго, язвительно подшучивала над Марком и при каждом удобном случае хвасталась успехами «своей девочки». Она превращала профессию дочери-терапевта в очередной повод для самолюбования, полностью игнорируя тот факт, что сама Каролина чувствовала себя на этом празднике жизни лишним, чужеродным элементом. Каролина смотрела на мать и видела не родного человека, а искусную актрису, которая даже не замечает, как медленно разрушается её собственный мир.

Каролина сидела по правую руку от матери в строгом, закрытом платье темно-кофейного цвета с неприступным высоким воротником. Снаружи она выглядела как воплощение благопристойности и профессиональной сдержанности, но под плотной тканью её кожа буквально горела. Она физически ощущала каждое прикосновение черного кружева, каждую тонкую ленту пояса для чулок, который Марк выбрал для неё в той душной, зеркальной примерочной. Белье казалось ей клеймом, раскаленным металлом, который медленно выжигал в ней всё то, что она привыкла называть своей личностью. Каждое движение, каждый глубокий вдох заставлял шелк тереться о тело, напоминая о руках Марка и о той пугающей, почти животной близости в бутике.

Марк сидел прямо напротив. Он почти не участвовал в общей светской беседе, лишь изредка кивая гостям с вежливой, но абсолютно непроницаемой улыбкой. Каролина знала: его ледяной, обжигающий взгляд прикован только к ней, даже когда он смотрел в свой бокал. Между ними в воздухе дрожало напряжение такой силы, что, казалось, поднеси спичку — и вся столовая взлетит на воздух. Каролина пыталась анализировать его поведение, искать в его жестах признаки социопатии, но её профессиональный мозг буксовал, пасуя перед первобытной силой, которую он транслировал в её сторону.

— Каролина, дорогая, ты сегодня какая-то тихая. Даже для врача это чересчур, ты словно пациента на кушетке

гипнотизируешь, — Елена прищурилась, разглядывая дочь поверх бокала с золотистым шампанским. — Марк, ты не слишком утомил её сегодня в торговом центре? Я же просила тебя быть обходительным, а не таскать девчонку по своим скучным мужским делам! Ты ведь знаешь, как она не любит суету.

— Я был предельно внимателен ко всем нуждам твоей дочери, Елена, — Марк произнес это так ровно и буднично, что никто из гостей не заметил второго дна в его словах. Его голос вибрировал где-то глубоко в грудной клетке Каролины, вызывая невольную внутреннюю дрожь. — Мы провели очень продуктивный день. Нашли несколько действительно... интересных вариантов, которые, я уверен, Каролина оценит по достоинству, когда наступит время тишины.

В этот момент под тяжелым дубовым столом Каролина почувствовала резкий прилив жара к лицу. Носок его туфли медленно, с намеренной, издевательской уверенностью прошелся по её лодыжке, поднимаясь выше, к самому колену, сменяя ткань платья. Каролина замерла, впившись пальцами в край накрахмаленной салфетки так сильно, что костяшки побелели. Дыхание перехватило. Она чувствовала себя загнанным зверем, над которым открыто издеваются прямо на глазах у ничего не подозревающего хозяина. Это было психологическое насилие, смешанное с чем-то настолько порочным, что Каролине стало трудно глотать.

— Да, мам... всё хорошо, — выдавила она из себя, отча-

янно стараясь, чтобы голос не сорвался на хрип. — Просто день был длинным. Я немного отвыкла от такого ритма жизни в этом доме.

— Отвыкла она! В твои-то годы! — Елена звонко, фальшиво рассмеялась, обращаясь к гостям за сочувствием. — Посмотрите на эту молодежь. Совсем не умеют радоваться жизни и комфорту. Марк, принеси еще льда для Марго, и пошевеливайся. Ты сегодня какой-то заторможенный, словно спишь на ходу. Неужели возраст начал сказываться? Тебе ведь уже за сорок, дорогой, пора бы научиться соответствовать моему темпу, если хочешь оставаться в этом доме на плаву.

Елена обидно, почти унизительно потрепала Марка по щеке, когда он проходил мимо неё с пустым ведром. Друзья Елены снисходительно улыбнулись — в их кругу было принято считать Марка лишь красивым и послушным аксессуаром властной жены. Каролина видела, как в глазах Марка на долю секунды вспыхнула первобытная, темная ярость. Но на этот раз маска покорности дала глубокую трещину. Проходя мимо стула Каролины, он на мгновение задержался. Его рука якобы случайно легла на её плечо, касаясь пальцами обнаженной кожи шеи выше воротника платья. Девушка едва не вскрикнула, выронив вилку на пол. Звук упавшего металла о фарфор показался ей оглушительным, как выстрел.

— Осторожнее, Каролина, — вкрадчиво шепнул он, наклоняясь так низко, что его дыхание опалило её ухо. — Ты

сегодня слишком напряжена. Тебе действительно нужно расслабиться и принять неизбежное. Ночь всё расставит на свои места.

Марк отошел за льдом, а Каролина поняла: эта ночь в доме, где он накануне демонтировал все замки, станет для неё финальной точкой. Охотник загнал жертву в угол прямо посреди праздничного ужина. Самым страшным было то, что Каролина, чувствуя на себе кружево его выбора и тяжесть его недавнего прикосновения, больше не хотела бежать. Она знала, что как только гости уйдут и Елена уснет, дверь в её комнату откроется без единого звука. И на этот раз у неё не будет профессиональных оправданий, чтобы защититься от того, кто ждал её одиннадцать лет. Она посмотрела на мать, которая всё ещё смеялась над какой-то глупой шуткой, и поняла, что в этом доме она теперь совсем одна.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.